

Н.С. Кочнова (Тюмень)

**Насколько-то-гражданская речь или форма проявления гражданской игры
в художественном тексте (на материале сказки-повести Э.Л. Крапивина
«Серебряное дерево и плающий кот»)**

В докладе рассматривается насколько-то-гражданская речь в сказке-повести Э.Л. Крапивина «Серебряное дерево и плающий кот». Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте. Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте.

Игра-выбор и насколько-то-гражданская речь в сказке-повести Э.Л. Крапивина «Серебряное дерево и плающий кот» рассматривается в контексте гражданской игры. Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте. Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте.

Игра-выбор и насколько-то-гражданская речь в сказке-повести Э.Л. Крапивина «Серебряное дерево и плающий кот» рассматривается в контексте гражданской игры. Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте. Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте.

Игра-выбор и насколько-то-гражданская речь в сказке-повести Э.Л. Крапивина «Серебряное дерево и плающий кот» рассматривается в контексте гражданской игры. Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте. Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте.

Игра-выбор и насколько-то-гражданская речь в сказке-повести Э.Л. Крапивина «Серебряное дерево и плающий кот» рассматривается в контексте гражданской игры. Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте. Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте.

Игра-выбор и насколько-то-гражданская речь в сказке-повести Э.Л. Крапивина «Серебряное дерево и плающий кот» рассматривается в контексте гражданской игры. Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте. Автор рассматривает насколько-то-гражданскую речь как форму проявления гражданской игры в художественном тексте.

Е.В. Купчик (Тюмень)

Метафорическое воплощение образа свободы в русских поэтических текстах

Из зафиксированных в толковых словарях значений слова *свобода* русской поэзией наиболее востребовано определение свободы как независимости, отсутствия стеснений и ограничений, связывающих жизнь как всего общества, так и конкретного человека. В поэтических текстах разного времени представлены многочисленные метафорические модели, отражающие уподобление свободы человеку, божеству, животному, огню и свету, напиткам, проявлениям стихии, орудиям и т.д.; в реализациях данных моделей находят отражение качества, свойства, действия свободы. Глубоко укорененным в поэтической традиции является восприятие свободы как возвышенного начала – божественного или «идеально-человеческого» (богиня, прекрасная дама, невеста и др.). Из стихий мира свободе соответствуют огонь (свет) и воздух (ветер), пребывающие в надземном пространстве. Реалии вещного мира как поэтические аналоги свободы также обнаруживают связь с миром возвышенным, что проявляется, например, в реализациях метафорических моделей «свобода – напиток», «свобода – строение», «свобода – сосуд» и др. Свобода – «освященный нектар», содержимое «святой чаши», «звездного стакана»; сосуд, наполненный целебным или веселящим напитком; место присутствия божества – храм, собор.

Свобода обладает эстетическим совершенством, она притягательна видом, звучанием, вкусом, запахом. Будучи возвышенной, священной, царственной, находясь над «сумрачной землей» и «темною толпой», свобода способна снисходить с небес навстречу ожидающим ее (падающей звездой, солнечными лучами, освещающими, согревающими, пробуждающими людей), нести им вести «о светлых днях» (Брюсов). Свободе свойственно совершение ряда действий, прежде всего перемещение в воздушном пространстве (полет) или по поверхности земли (реже воды). Свобода *приходит, идет, бродит, летит, улетает, скрывается, плывет* по морю. Как существо свобода обладает немалой силой, мощью, разрывая, например, «насильства бедственный устав» (Вяземский): бег свободы-кобылицы – «дикий скач напролом» (Хлебников). «Земные» действия свободы направлены, как правило, на благо людей: она исцеляет, зажигает в душах факелы, точит меч, закрывает щитом, помогает человеку двигаться.

Реализации метафорических моделей свободы дают основание говорить о некоторой амбивалентности образа. Женское начало свободы может утрачивать свою возвышенность, и она предстает, например, «гуляющей девкой на шалой солдатской груди» (Цветаева). Постаревшая свобода (старуха, седая помещица) меняет род своих занятий, которые оказываются связанными, например, со смертью (плетение сетей из саванов). Вино свободы вызывает опьянение, приводящее к разрушительным действиям, например: «Его земные опились народы И начали в куски короны бить» (Лермонтов). Для разрушения предназначен и «кол огромной погромной свободы» (Хлебников).

Внимание авторов к негативным чертам образа свободы, представленным главным образом в поэтических текстах XX века, возможно, в какой-то мере обусловлено тенденцией «снижения высокого», проявляющейся, в частности, в лишении традиционно возвышенных реалий соответствующего образного ореола.

Одно из значений понятия свободы – отсутствие каких-либо ограничений, стеснений – позволяет авторам поэтических словарей рассматривать *свободу* и *волю* как некое единство с общим метафорическим потенциалом. Следует, однако, учитывать, что *свобода* и *воля* – содержательно связанные, но вместе с тем различные концепты, что представлено и в их образных соответствиях. Если свобода – своего рода «пришлица», то воля – плоть от плоти самого русского пространства, что позволило русским философам и филологам именно волю объявить особой единицей русской ментальности.